

УДК 340.153

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/9

«УЛОЖЕНИЕ» ВАСИЛИЯ ЛУПУ 1646 г.: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

Е.Н. Трикоз^{1,2}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) при МИД России
Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

² Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
E-mail: trikoz_en@pfur.ru

Авторское резюме

Статья посвящена исторической проблеме становления системы юридических источников и кодификации права в средневековой Молдавии. Исследуется историко-культурная ситуация в княжестве на протяжении XVI–XVII вв. Главная геополитическая особенность заключалась в конвергенции трех великих культур – славянской, латинской и восточной, происходившей на разломе мировых религий (православной, католической и мусульманской). Славянский язык был приоритетным в господарской канцелярии, делопроизводстве, богослужении и церковно-юридической литературе. Автор обращает особое внимание на период правления господаря Василия Лупу (1634–1653 гг.), который был покровителем православного мира и инициатором ктиторийской деятельности. В построенной на его средства церкви в столице княжества была организована типография, в которой по инициативе самого господаря в 1646 г. был издан первый светский сборник законов – «Уложение» (*Pravila lui Vasile Lupu*). Он стал общемолдавским кодексом, составленным на основе римско-византийских правовых норм и применявшимся около 200 лет. Отдельное внимание уделено целям правовой реформы и причинам кодификации в Молдавии того времени. «Уложение» 1646 г. было направлено на легализацию практики закабаления крестьян и расхищения общинных земель, юридическую фиксацию крепостных порядков. Оно способствовало закреплению системности и определенности в средневековом молдавском праве. В качестве основных источников «Уложения» выступили византийские

(греко-римские) законы и правовая доктрина молдавских и итальянских юристов. Они предопределили светскую ориентированность кодекса Василия Лупу и превалирование в нем уголовно-правовых начал.

Ключевые слова: Молдавское княжество, Василий Лупу, кодекс, кодификация права, законодательство, источники права, феодальное право, церковное право, уголовное право, земельная собственность.

VASILE LUPU'S CODE OF 1646 AT THE INTERSECTION OF LEGAL CULTURES

E.N. Trikoz^{1,2}

¹ Moscow State Institute of International Relations (University)
76 Vernadskii Avenue, Moscow, 119454, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russia
E-mail: trikoz_en@pfur.ru

Abstract

The paper is devoted to a historical problem of legal sources and codification of medieval laws in Moldova. The author investigates the historical and cultural situation in the Principality in the 16th–17th centuries, when the main geopolitical feature consisted in convergence of three great cultures – Slavic, Latin and East – in the context of the break of world religions (Orthodox, Catholic and Muslim). The Slavic language was a priority in the government, office-work, church service and legal literature in the Principality. The author pays special attention to the reign of Hospodar Vasile Lupu (1634–1653), who was an ardent patron of the orthodox world and supported the construction of churches. The church constructed on his means in the capital of the Principality housed a printing house that in 1646 issued *Pravila lui Vasile Lupu*, the first secular collection of laws initiated by the Hospodar. It became the all-Moldavian codex based on the Roman-Byzantine legal rules and was applied for about two hundred years. Particular attention is paid to the objectives of legal reform and the reasons for codification in Moldova at that time. *Pravila* of 1646 legalised serfdom and peasantry enslavement and plunder of communal lands. It promoted the consistency and certainty of the medieval Moldovan law. The main sources of the *Code* were Byzantine (Greco-Roman) laws and the legal doctrine of Moldovan and Italian lawyers. They predetermined the secular orientation of Vasile Lupu's Code, with the prevalence of the criminal law.

Keywords: Principality of Moldova, Vasile Lupu, *Pravila*, codification of law, legislation, sources of law, feudal law, canon law, criminal law, land ownership.

Введение. 370 лет назад в средневековой Молдове был официально принят светский печатный кодекс законов под названием «Уложение» Василия Лупу, изданный впервые не на западнорусском (русинском), а на молдавском языке на основе кириллицы. Научная актуальность исследования этого опыта систематизации классического феодального права в эпоху Василия Лупу, главного идейного вдохновителя правовой реформы и инициатора издания «Уложения» 1646 г., обусловлена культурно-историческим контекстом развития права того периода. Оно происходило в условиях взаимодействия различных правовых традиций, происхождение которых было основано как на обычном праве волошского и русинского этносов, так и на заимствованиях из византийского (греко-римского), церковно-канонического и частично мусульманского правокультурного пласта. На этом фоне актуализируется проблема изучения взаимовлияния полярных правовых культур, что наиболее ярко заметно на историческом примере смешанного социокультурного пространства Молдовы.

Материалы и методы. Эмпирической основой данного исследования послужили источники средневекового молдавского права: акты правотворчества молдавских господарей, памятники византийского (греко-римского) права, имевшие широкое применение в Дунайских княжествах, труды средневековых юристов романо-германской правовой традиции и др. Методологическая основа исследования опирается на общенаучные методы логического анализа и синтеза, сравнительный и системно-структурный методы. В ходе работы над материалом активно применялись историко-юридический и конкретно-исторический методы. Выводы автора основаны на культурологическом и цивилизационном подходах к познанию средневекового права и общества Молдовы, которые позволили прояснить социокультурные и идеологические предпосылки становления правовой системы в этом княжестве.

Обсуждение. Молдавия на протяжении всей истории своего существования сохраняла самобытную и достаточно богатую историю права. В современный период ее правовая система относится к романо-германской правовой культуре, хотя и сохраняет элементы и институты, типологически близкие к бывшей семье социалистического права. В настоящее время на юридической карте мира выделяют отдельную правовую культуру – так называемую *славянскую правовую семью*, объединяющую правовые системы стран Восточной Европы на основе правовой традиции «трех братских восточнославянских народов».

В их истории славянская составляющая правокультурного развития была особенно значительной и жизнестойкой. В Средние века эта славянская политико-правовая общность охватывала территории от Балкан до самой Прибалтики и включала Карпато-Днестровские земли. В этом этногеографическом ореоле сложилось своеобразное юридическое наследие Молдавского княжества. Оно начало формироваться в раннесредневековый период, в ситуации этнокультурных контактов Дунайских княжеств между собой (с Трансильванией и Валашским княжеством) и с сильными романскими и славянскими соседями почти в самом сердце европейского континента. Именно здесь, на перекрестке восточнославянской, греко-римской и мусульманской (османской) правовых традиций, зарождалась особенная правовая культура Молдавского княжества. Но диалог правовых культур всегда лучше политического монолога.

Истоки государственности и обычного права Молдавского княжества (*Regno Moldaviae*) коренятся на рубеже XIII–XIV вв. Официальное упоминание *Terra Moldaviae* впервые встречается в документе королевской канцелярии Венгрии от 20 марта 1360 г., а позднее страна будет именоваться как *Богдания*, *Россовлахия*, *Молдославия* (Мохов 1964: 117). В тот период княжество формировалось как буферное образование к востоку от Карпат, между просвещенной Европой и варварским миром. Главная геополитическая особенность заключалась в конвергенции трех великих культур – славянской, латинской и восточной, происходившей на разломе мировых религий (православной, католической и мусульманской). Первоначально сильное влияние на правовую культуру Молдавского государства оказывала славянская правовая традиция, проникавшая посредством торговых, дипломатических и иных контактов с Болгарией, Сербией, Киевом, Москвой, а также через повседневное общение с молдавско-русинской этнокультурной общиной. Славянский язык становился господствующим в господарской канцелярии, делопроизводстве, богослужении и церковно-юридической литературе.

Начиная со времени правления молдавского господаря Штефана III Великого (1457–1504 гг.), который сначала женился на Елене Александровне из рода Гедиминовичей (ум. в 1472 г.), дочери киевского князя, внука великого князя литовского Ольгерда, а затем сочетал династическим браком дочь Елену Стефановну Волошанку (ум. в 1505 г.) с сыном объединителя Руси Ивана III Великого, усиливается общекультурная ориентация на Московское царство и славянскую правовую культуру (Шорников 2004: 53). Укрепились связи с Москвой как с членом антиягеллонской коалиции и противником Литвы, возобновился молдавско-русский политический союз (договор

господаря Петра IV Рареша и великого князя Василия III 1529 г.). Многие знатные молдаване уезжали обучаться в «братских» школах, в частности Львовского братства¹, на территории соседней Галицкой Руси, которые специально открывались православными русскими в условиях латино-польской оккупации для противодействия полонизации. Выпускники таких школ – «братчики» – были выходцами из знатных родов и потому нередко становились придворными летописцами, историками, знатоками права и делопроизводства. К концу XVI в. стали складываться предпосылки для академической правовой науки в Молдове. Так, в столичном городе Сучава открылась первая юридическая школа, в которой преподавали различные предметы по юриспруденции и философии. Когда столица переместилась в город Яссы, там также была открыта Славяно-греко-латинская академия при митрополите Киевском Петре Могиле (Мовилэ), который и предоставил преподавателей, ученых из соседних стран и молдаван, получивших образование в Москве, Киеве и Львове.

Наряду со славянской языковой и церковной православной общностью еще одной предпосылкой восточной геополитической ориентации молдавского общества стало формирование славяно-византийской юридической культуры. Это можно видеть на примере текстуальных и институциональных особенностей молдавской правовой системы. В XIV–XVI вв. двуэтничное молдавско-славянское государство состояло почти на треть из русинов, компактно проживавших на севере княжества. Они посредством каждодневного общения влияли своими правовыми обычаями на юридическую жизнь местных жителей. В значительной степени под влиянием славянского писанного и обычного права, а также славянской терминологии и живой правоприменительной практики с участием русинских обычаев складывалась раннесредневековая правовая система Молдовы. В результате этого волошко-русинского этнокультурного синтеза происходило регулярное взаимодействие юридических источников и практик восточных соседей – средневековых русских княжеств, объединенных позднее в Московское царство с правовой культурой, впитавшей основы византийского права.

Новая эпоха в политико-правовой истории Молдавского княжества связана с именем господаря Василия Лупу (*Vasile Lupu*, период правления 1634–1653 гг.; ум. в Стамбуле в 1661 г.). Он пытался реализовать новый геополитический проект с целью развития этнокультурной самоидентичности и собственной правовой культуры молдаван (Şerban 1991). Автономия государственности в условиях данничества Османской империи была невозможна, поэтому он сосредоточил силы на поиске новой правовой идеологии и кодификации национального

права с последующей унификацией феодальных правопорядков в стране. Василий Лупу проводил амбициозную внешнюю политику, балансируя между Османской империей, Речью Посполитой, царской Россией и украинскими гетманами. В итоге Молдавское княжество при нем стало стратегически важным этнокультурным регионом, наподобие того, чем Прусское королевство служило для Германии.

В ту эпоху его геополитическая идея включала в себе не только укрепление независимости Молдавского княжества, но и возрождение Византии как православной империи (Iorga 1913). Василий Лупу, подчинив Константинопольскую патриархию и ведя переговоры с Московским царством, пытался объединить все православные народы, воссоздавая былое величие Византийской империи. Его княжество объединяло в те времена так называемую Запрутскую Молдову, ныне входящую в состав Румынии, территорию Черновицкой области современной Украины и часть Пруто-Днестровского междуречья (современная Республика Молдова), где проживало значительное число переселенцев с Балканского полуострова (Голант 2002: 60). Дунайские княжества оставались теми православными государствами, которые, унаследовав византийскую идею, так и не вошли в «Дом ислама» (Veziî 1958: 34). При этом продолжительное господство турок в Молдавии не привело к их откровенному вмешательству в правотворчество господарской канцелярии и боярской рады. Лишь самое незначительное влияние оказывало мусульманское право, но оно так и не стало официально источником молдавской правовой системы.

Тем не менее долгое время Василий Лупу считался ставленником турецкой Порты, и поэтому современники говорили о нем: «Как бы он ни клялся, но он турецкой веры»², хотя он легко изъяснялся на греческом языке как эллинизированный арумун и стал покровителем местной этнокультуры. В его времена страна «начала пробуждаться и выходить потихоньку из темных глубин варварства», как писал молдавский политик Дмитрий Кантемир (Кантемир 1973: 193).

Летописец Мирон Костин называл время правления Василия Лупу счастливым временем, когда почти 20 лет в стране царило «вдоволь добра и богатства и изобилия» (Costin 1958). Перенимая функцию византийских императоров, Василий (само его имя от греч. *базилеос* – император с титулом «василевс») стал покровителем православного мира и инициатором ктиторской деятельности. Так, в столичных Яссах он организовал на свои средства Славяно-греко-латинскую академию, участвовал во Всеправославном соборе, занимался строительством культовых сооружений, жертвовал большие суммы на религиозные цели, в частности спонсировал выдающийся памятник

архитектуры – церковь Трех Святителей в одноименном монастыре в Яссах.

Именно это место впоследствии сыграло символическую роль в истории молдавской религиозно-правовой культуры: там появилась первая типография. Она была открыта в 1642 г. митрополитом Варлаамом при помощи киевского митрополита Петра Могилы и при участии мастеров Львовского Ставропигийского братства, которые завезли в столицу оборудование и бумагу для книгопечатания. В типографии было напечатано девять книг (в том числе на славянском и греческом языках). А по инициативе самого господаря в 1646 г. в типографии был издан первый светский молдавский сборник законов – «Уложение» Василе Лупу (молд. *Pravila lui Vasile Lupu*). Он стал общемолдавским кодексом, составленным на основе римско-византийских правовых норм и применявшимся около 200 лет. Так, применительно к уголовному праву это «Уложение» действовало вплоть до середины XVIII в., а в сфере гражданского права применялось до первой половины XIX в. и только потом было заменено общероссийским законодательством.

Неизвестна точная дата завершения рукописи кодификации Василия Лупу, но в августе 1646 г. финальная редакция вышла из печати в Ясской типографии уже на молдавском языке на основе кириллицы, а не на западнорусском (русинском), как многие ранее издававшиеся господарской канцелярией юридические документы. Его более полное название звучало так: «Румынская книга наставлений по императорским законам и другим судебным искам». Это наименование было в русле проводившейся Василием Лупу политики, о чем он не преминул указать на титульном листе своего «Уложения», подписав буквально следующее: «Это слово ко всему роду румынскому» (*Carte românească* 1961: 36). Так молдавский язык проникал не только в церковное богослужение и господарское делопроизводство, но и в частную документацию и юридическую практику (контракты, завещания, расписки и др.). Ведь, не будучи сыном молдавского господаря или хотя бы потомком местного боярского рода, Василий Лупу вынашивал собственную концепцию о роли восточных романцев на Балканах, позиционируя Молдову как культурный и духовный центр данного ареала. В этом свете закономерным видится задуманный им проект по кодификации общемолдавского права и унификации судебно-правовой системы, что было сложной задачей на пересечении крупных правовых культур – греко-византийской и романо-германской.

Поэтому параллельно с составлением общегосударственного «Уложения» Василий Лупу озаботился проблемой централизации и единообразия судебной практики по вопросам землевладения и

уголовным делам. В этом остро нуждался правопорядок разобщенных феодальных владений молдавских бояр, часто подвергавшихся нападениям разбойников, бунтовавших крестьян, необоснованным грабежам татар и турецким поборам. Нередко молдавские крестьяне и разорившиеся ремесленники вступали в отряды казаков, создавая особые военные единицы «*дакийцев*», как их называли поляки, впоследствии сыгравшие свою роль во время восстания Богдана Хмельницкого. В такой обстановке господарь получал известия об антифеодальных крестьянских восстаниях и городских бунтах торговцев и ремесленников (Грекул 1961: 398), а также жалобы от своих феодалов о нападениях *гайдуков*. Это были так называемые народные мстители из крестьян, которые грабили целые монастыри и сжигали боярские усадьбы, уничтожали важные частновладельческие документы (грамоты на землю, владение селами, холопами-цыганами, закрепощенными крестьянами и др.). Например, в результате нападения гайдуцкого отряда на Сучавицкий монастырь в 1629 г. от него остались, как указано в документе, «одни камни». В другом обращении 1621 г. некий боярин Ротомпан пишет господарю о связях своих крестьян с «разбойниками», угрожавшими ему нападением с целью отобрать имущество, ранее изъятое боярином у крестьян за долги; далее он требовал наказать своих людей за связь с гайдуками (Драгнев 1962: 13, 16; Hurmuzaki 1953: 898, 970). Но в отсутствие общегосударственного уголовного кодекса, не дождавшись господарского правосудия, бояре сами подвергали схваченных разбойников изощренным пыткам, добиваясь выдачи всех сообщников и укрывателей, приговаривая их к смертной казни. После установления господства Оттоманской Порты на Балканах и в Подунавье характер гайдуцкого движения изменился в сторону национально-освободительного движения в форме социального бунта (Драгнев 1962: 11).

При Василии Лупу начинается ужесточение карательной уголовной политики против гайдучества. Известно, что за период 1634–1646 гг. при дворе Василия Лупу было казнено около 20 тыс. «разбойников». При этом его «Уложение» 1646 г. только расширило круг лиц, подлежащих смертной казни за антифеодальные выступления и вооруженные нападения на бояр. За весь период правления этого господаря было вынесено свыше 40 тыс. смертных приговоров гайдукам и другим «разбойникам», что с учетом малочисленности населения Молдовы означало широкомасштабные массовые репрессии. Приведем слова самого Василия Лупу, проясняющие его политику: «Если вы все совершите поступок, достойный смерти, конечно, вам придется умереть. Даже если половина Страны Молдавской – плохая, пусть погибнет плохая, чтобы сохранилась достойная. С достойны-

ми буду жить в безопасности, с плохими всегда буду находиться в опасности»; так процитировал господаря католический миссионер Марко Бандини, бывший проездом в Молдове (Analele 1899: 148). Неудивительно, что Василия Лупу современники называли жестоким тираном, осуждая за массовые казни и закабаление крестьян, хотя именно в период его правления велась успешная борьба с разбоями на дорогах, грабежами и нападениями молдаван, живших в приграничье, «ибо он истребил почти по всей стране злодеев и не уставал их преследовать, дабы истребить совсем» (Голант 2002: 59).

С этой политикой была тесно связана еще одна цель правовой реформы по кодификации законодательства при Василии Лупу. Речь идет о юридическом закреплении крестьян, побего которых и сообщничество с гайдуками участились в период его правления. Все чаще крестьяне отказывались работать на феодалов, занимались самоуправством на феодальных полях, порубкой барского леса, захватывали мельницы и винодельни. При этом молдавские господа закрепляли за своими феодалами все новые селения и крестьянские общины. Те издавна жили по так называемому волошскому праву – неписанным крестьянским обычаям и традициям местностей компактного проживания. Однако, попадая в феодальную зависимость, они теряли покровительство своего обычного права и переходили под феодальную юрисдикцию, становились крестьянами-*вечинами*, обязанными отбывать барщину, платить десятую долю (*дигму*) дохода и судиться только у своего феодала. В кабалу к феодалам-ростовщикам попадали также крестьяне-*резеши*, юридически свободные общинники с правом распоряжения землей с согласия общины, но отдававшие за бесценнок свою недвижимость помещикам-кредиторам.

«Уложение» 1646 г. легализовало складывавшуюся годами практику закабаления свободных крестьян и расхищения общинных земель, юридически закрепив крепостные порядки в Молдавии. Было запрещено принимать и укрывать беглых крестьян, о чем прямо сказано в ст. 18 данного кодекса: «Когда убежит крестьянин от своего места и от своего господина, никто не должен его принять... а должен вернуть в село, откуда он бежал» (Carte românească 1961: 56). Перед нами типичный феодальный свод норм, который был характерен для большинства средневековых государств Европы, направленный на защиту феодальных интересов и их земельной собственности, санкционирующий закабаление крестьян, прикрепление их к земле. В то же время посредством кодификации крепостного права государство начинает вмешиваться в частные правоотношения вотчинника с крестьянином, определяя норму эксплуатации последнего и степень зависимости от феодала. В усмирении бесчинств, феодальной вольницы и легальном ограничении моно-

риального права крупных феодалов (боярства) были заинтересованы представители нового сословия – служилого дворянства (*крутяне*). Они поддерживали господаря Молдовы в его решении провести централизацию управления и кодификацию права, лишив тем самым уголовных привилегий феодалов и стабилизировав правопорядок.

С учетом аморфного состояния правовой системы Молдавского княжества накануне кодификации это была неотложная и амбициозная задача. Типичными для средневековой культуры были пестрота правовой регламентации, множественность источников права и партикуляризм сословно-этнических правовых подсистем. Последнее нашло свое выражение в формировании территориального правового массива на севере Молдовы – области так называемого волошского права и правовых обычаев этнической общины русинов.

Василий Лупу выбрал классический путь преодоления такой децентрализации права, подвергнув его статутификации в виде печатного свода законов (господарского высшего статута) с последующей централизацией княжеской юстиции и судебной практики. Именно «Уложение» способствовало закреплению системности и определенности в молдавском праве (Советов 1956: 77–83). На этом пути были сложные препятствия в виде полиэтнических правовых подсистем и миниправопорядков в таких группах Молдавского княжества, как русины, евреи, цыгане, крестьяне «волошского права». Конкуренцию общекняжескому законодательству составляли такие значительные правовые конгломераты, как каноническое (церковное) и феодально-манориальное право, а также городское и торговое обычное и статутное право (Арамэ 1992: 202–220). Коллизии правовых норм возникали на пересечении предметов регулирования этих правовых подсистем и отраслей средневекового права, что приводило нередко к режиму беззакония и судебскому произволу (Mazilu 2006).

Однако благодаря усилиям Василия Лупу и его окружения удалось добиться определенной иерархии источников молдавского права. Высшим авторитетом были наделены акты княжеского и боярского законодательства. В этот блок статутного права вошли господарские указы и грамоты (Славяно-молдавские грамоты 1961). Причем это могли быть как внутренние, касавшиеся пожалований и подтверждений в сфере земельного права (иммунитетные, судные, дарственные, подтвердительные, охранные грамоты), так и внешние грамоты-хрисовулы (вассальные акты, соглашения и союзы с иностранными государями, привилегии иноземным купцам). К ним присоединялась документация господарской канцелярии (в том числе политическая и коммерческая корреспонденция), акты и циркуляры членов боярской рады (*дивана*). Важную роль в законотворчестве господаря

играл логофет, который возглавлял его канцелярию и скреплял все акты господаря государственной печатью, а в его отсутствие даже руководил боярской радой.

Средневековые молдавские грамоты, указы и акты делопроизводства писались на западнорусском (русинском), а затем молдавском языке на основе кириллицы, представляя собой культурно-правовое наследство Киевской и Галицкой Руси. Это весьма положительно сказывалось на культурно-правовом развитии Молдавского княжества, приобщавшегося тем самым к высокой культуре Византии и славянского мира. И хотя при Василии Лупу в законотворчество частично вводится молдавский язык, тем не менее официальным государственным и церковным языком Молдавского княжества вплоть до начала XVIII в. оставался западнорусский (Суляк 2016: 73).

Подсистема феодально-манориального права Молдовы сформировалась как право-привилегия, а его нормы закрепляли главным образом имущественные поземельные правоотношения в отдельных вотчинах. Основным источником, подтверждавшим феодально-вотчинную юрисдикцию, признавались жалованные грамоты господаря на землю, которые, однако, приходилось продлевать при каждом новом господаре. Так, известно, что Стефан III Великий подтверждал грамоты предшественников, в частности пожалованные при Александре Добром. Также выдавались господарские грамоты и указы о сыске и возврате беглых крестьян и холопов их прежним владельцам. На основании подобных грамот феодалы закрепляли за собой привилегию на правосудие по отношению ко всем холопам и крестьянам (кроме резешских общин и «волошского права»).

Далее мы отдельно скажем о «волошском праве» в Молдавском княжестве, когда будем описывать круг источников «Уложения» Василия Лупу. Кроме того, обособилось «холопское право», которое регламентировало положение цыган, татар, венгров, военнопленных, а также местных жителей, попадавших в холопство как неоплатные должники и преступники. По своему юридическому статусу холопы были бесправны, привлекались в усадьбы в качестве дворовых и ремесленников, не имели права выступать в судах, не несли ответственности за свои правонарушения, могли быть проданы вместе с вотчиной и нередко разлучались со своими детьми. В частности, известно, что молдавские цыгане уже с XV в. превращались либо в холопов, либо в крепостных, принадлежавших боярам и монастырям. В качестве таковых по «Уложению» 1646 г. они становились объектом продажи, лишались права вести кочевой образ жизни, создавать семью без согласия хозяина и т. д.

В сферу вотчинного суда, помимо ординарных споров, входили также «великие уголовные дела»: душегубство (убийство и прелюбодеяние), татьба (кража имущества), дивковолочение (увод женщин) и др. Но ко времени реформ Василя Лупу, направленных на ограничение уголовных привилегий феодалов и централизацию судебной системы, уголовные дела по наиболее опасным преступлениям (убийство, разбой, кража с поличным и др.) были изъяты из сферы вотчинной юрисдикции. Кроме того, к тому моменту завершилась так называемая сорокалетняя судебная реформа (1588–1628 гг.), по итогам которой был выделен самостоятельный вид инквизиционного судопроизводства по делам «злотворецев» (рецидивистов), завершавшегося обычно вынесением смертных приговоров. Такая категория преступников не имела права нанимать адвоката, вызывать свидетелей защиты или же откупиться от смертной казни.

Подсистема городского права в Молдавском княжестве складывалась из таких источников, как господарские жалованные грамоты городам, городские статуты, уставы купеческих и ремесленных объединений. Господарь Василий Лупу в своей грамоте 1634 г. упоминает гильдию купцов в столичных Яссах как центр торгово-промышленной деятельности всей Молдавии. Особую роль в торговых отношениях играл Львов, откуда был проложен большой королевский тракт в Валахию и Трансильванию. К моменту правления Василя Лупу криминальная ситуация во Львове ухудшилась из-за нападений наемников, собиравшихся здесь в отряды для походов на Русское царство, Османскую империю и Валахию. Так, известна жалоба молдавского господаря Петра IV Рареша львовскому магистрату на мещанина Сеньку Поповича (1541 г.), который во время пребывания при дворе обокрал правителя на крупную сумму. Однако городской суд оправдал Поповича и выдал охранную грамоту с запретом преследовать его впредь (Козицкий, Білостоцький 2001: 112).

Особый статус имела этническая прослойка молдавских евреев – купцов и ростовщиков, которые жили по праву еврейской общины. В первой трети XV в. при господаре Александре Добром евреи получили ряд льгот с правом повсеместного проживания в княжестве. Согласно грамоте господаря Стефана Томши 1614 г., еврейским купцам (наряду с польскими, русскими и армянскими) было предоставлено право свободной торговли по всей Молдавии. Наконец, при Василии Лупу, который издавал ограничительные грамоты против евреев, к ним все же относились благосклонно, как к подданным государства, разрешая отстраивать деревянные синагоги и жить по еврейскому праву. Однако после прихода Б. Хмельницкого, когда под влиянием казацких бесчинств начались гонения против евреев, во главе еврей-

ской общины был поставлен хахам-баша, назначавшийся господарем из известных раввинов, получавший власть над евреями всей Молдавии и Валахии. Кроме того, Василий Лупу ограничил евреев в ряде гражданских прав: в частности, в своем «Уложении» он, под угрозой высокого штрафа, ввел запрет на браки евреев с христианами.

Наряду с господарским законодательством, сословно-правовым нормотворчеством феодалов, горожан и торговцев заметный вклад в развитие правовой системы Молдавского княжества внесли памятники церковно-канонического (византийского) права. Они распространились в стране как переписанные «Номоканоны», которые назывались «Правила» («Законник»). Как сборники церковно-гражданских постановлений они исходили из текстов кодификации императора Юстиниана I и других византийских памятников права.

Среди сохранившихся ко времени правления Василия Лупу рукописных кодификаций на славянском языке укажем на «Законник» 1451 г., составленный дьяконом Драгомиром в Тырговиште (Валахия). Эти «Правила Драгомира» широко применялись в разбирательстве гражданских и уголовных дел с целью унификации правопорядка и укрепления княжеской юстиции. Затем при Стефане III Великом статус источника церковного права получил трактат «Алфавитная Синтагма» Матфея Властаря в славянском переводе, куда были включены важные нормы церковного и гражданского права. «Синтагма» была переписана в Яссах Дамианом в 1495 г. Кроме того, в княжестве пользовалось популярностью «Шестикнижие» фессалоникийского судьи Константина Арменопуло 1345 г., которое в свою очередь было переработкой византийского «Прохирона» IX в., содержавшего нормы церковного, гражданского, уголовного и процессуального права. Этот законодательный сборник помог приспособить рецепированное римское право к феодальным отношениям Молдовы.

К середине XVII в. благодаря Василию Лупу снова активизировалась систематизаторская деятельность законников-канонистов. Заметную роль в этом сыграл придворный логофет Евстратий, который в 1632 г. перевел «Номоканон» Мануила Малаксы, а также переводил с греческого аграрное законодательство Византии VIII в. и др. Затем в 1640 г. в монастыре Говора был переиздан славянский канонический сборник – «Малый номоканон» в переводе Михаила Моксалия. В 1652 г. в Тырговиште опубликовали церковно-светский сборник «Законоправильник», переведенный монахом Даниилом (в соавторстве с Игнатием Петрици и Пантелеймоном Лигаридом). В первый отдел этого кодекса (417 глав) вошли юридические тексты из «Номоканона» Мануила Малаксы и «Уложения» Василия Лупу 1646 г. Во второй отдел включили церковно-канонические тексты:

«Синописис» с толкованиями Аристина и «Теологию» Анастасия Синаита (VII в.). Этот сборник 1652 г. получил широкую известность как «Великое уложение Матая Басараба», всеобъемлющий свод церковных и гражданских норм, применявшийся в Валахии и Молдавии, и в особенности в Трансильвании, вплоть до XIX в. (Bulei 2013: 90).

Однако свою историческую роль в формировании правового единства в Дунайских княжествах сыграло «Уложение» Василия Лупу 1646 г. В самом начале определимся с перечнем наиболее значимых источников данного «Уложения», которые определили его светскую и уголовно-правовую ориентированность. Это нормы местного обычного права Молдавского княжества, но в большей степени – церковные и гражданские законы византийских императоров, воспринятые в славянском переводе с Балкан. К таковым относятся уже упоминавшийся выше «Алфавитная синтагма», или Сборник (словарь) по церковному, уголовному и гражданскому праву солунского иеромонаха Матфея Властаря 1335 г., «Правила» монаха Дамиана из Ясс 1495 г., по сути переписанные положения синтагмы Властаря, а также сборник правил из Бисерикань 1512 г., «Нямецкие правила» (из молдавского монастыря Нямец) 1557 г. и «Путнянские правила» (из молдавского монастыря Путна) 1581 г. Что же касается «волошского права», то оно в средневековый период представляло собой историческую совокупность обычаев валашских общин крестьян-скотоводов и пастухов в Карпато-Дунайских землях. Оно регламентировало их личный статус, общинные обязанности, привилегии и взаимоотношения с местными феодалами-вотчинниками. Согласно «волошскому праву», земли наследовались по принципу майората и по мужской линии, устные договоры заключались в присутствии свидетелей, не было четких различий между гражданскими деликтами и преступлениями, целью наказания считались возмездие и компенсация, смертную казнь и членовредительство не применяли. Жившая по «волошскому праву» община имела независимое судопроизводство и была освобождена от большинства феодальных платежей (Шандра, Бедрий 2013: 118–120).

Уточним также, что первая часть «Уложения» была основана на обычном праве, судебной практике и отчасти на княжеском законодательстве Молдавии и реципировала византийские частнопроводные нормы «Земледельческого закона» (*Leges Rusticae*, от лат. *rus* – деревня, земля, пашня), который был издан в Византии в конце VII – начале VIII в. В действительности первые 16 глав «Уложения» были переведены логофетом Евстратием с небольшими дополнениями из текстов этого «Земледельческого закона», который служил дополнением к знаменитой «Эклоге» Льва III Исавра (717–741 гг.) наряду с «Военным законом» и «Морским родосским законом». Его нередко сравнивают с

полицейским крестьянским уставом, описывавшим обычные проступки и преступления в сельскохозяйственном быту на основе обычного права славян и крестьянской практики. В «Земледельческом законе» содержались нормы о различных потравах и кражах леса, полевых и садовых плодов, о проступках пастухов и повреждениях животных и др. (Византийский закон 1984).

Однако, в отличие от этого византийского памятника, в котором вообще не упоминался колонат (крепостное право), а, напротив, закреплялись личная крестьянская собственность и общинное землевладение, «Уложение» Василия Лупу юридически оформило процесс закрепощения молдавских крестьян (Солтан 1992). Так, уже в главе первой (ст. 18) молдавского свода находим окончательное прикрепление вечинов (зависимых крестьян) к земле и полный запрет перехода крестьян от одного феодала к другому.

«Уложение» открывалось небольшим предисловием, затем шла первая часть под названием «Правила составленные, выбранные и извлеченные». Это был блок из 16 подразделов (*princina*), содержавших нормы земледельческого характера по отношению к «землепашцам и пастухам»: воровство; причинение вреда скотом; причинение ущерба пашне; уничтожение и повреждение скота и деревьев; случаи пожаров; дела по поводу найма услуг, возведения мельниц и построек, посадок на чужом участке. Здесь почти все нормы имели сословный характер, закрепляли статус физического лица в зависимости от его социального положения в сословной иерархии молдавского государства (бояре, дворянство, лендлорды, крестьяне) (*Istoria dreptului Românesc* 1980: 209). Как удалось показать известному медиевисту П.В. Советову, первые 94 статьи в «Уложении» представляли собой письменную систематизацию норм славянского обычного права, а с 95-й по 1254-ю статьи были рецепцией римско-византийского права (Советов 1960).

Причем последние в этой части «Уложения» пять подразделов (с 12-го по 16-й) содержали характеристику дел, входивших в юрисдикцию господарской таможни, и описание уголовно-правовых составов хищений «землепашцев», являясь своего рода переходным звеном ко второй, сугубо уголовно-правовой части «Уложения». В этих пяти подразделах составители пытаются разграничить целый ряд смежных имущественных преступлений (татьба, грабеж и разбой). Так, для обозначения тайного хищения без признаков насилия над потерпевшим употреблялись понятие «*а фура*» («воровать») и производное «*фуртушая*», которое также использовалось в смысле общего понятия хищения имущества («*татьба*» в славяно-молдавских документах).

Учитывая сложившееся в молдавской судебной практике и в обычном праве деление воровства на малое и большое (например, хищение из монастырей и домов бояр), законодатель при этом мало уделил внимания четкому разграничению составов татьбы (кражи), жака (грабежа) и разбоя. В отличие от русского «Уложения» 1649 г., молдавский памятник не различал присвоение вещи на пожаре (грабедж), мошенничество и вымогательство как самостоятельные составы, квалифицируя их как случаи обычного воровства. Здесь также закреплялось неопределенное понятие разбоя, квалификацию которого произвольно осуществляли феодальные судьи по своему усмотрению и свидетельству «достойных веры добрых людей». Такой расширительный подход к толкованию и «каучуковые» составы разбоя и жака, на фоне детализации разновидностей татьбы и особых санкций за воровство, стали характерной особенностью молдавского «Уложения», заложенного еще во время «Судебной реформы» 1588–1628 гг. (Советов 2001–2002: 51–55).

Вторая часть называлась «Господарские правила относительно проступков». Она была составлена на основе перевода логофетом Евстратием трудов итальянского юриста Просперо Фариначчи (*Prosper Farinaccius*, 1554–1618 гг.) (*Istoria dreptului Românesc* 1980: 208). Этот итальянский магистрат был также известным адвокатом по уголовным делам и служил в Риме при дворе двух пап – Климента VIII и Павла V. Его авторитетная книга о ереси (название в оригинале – *Tractatus de Haeresi*, Рим, 1616 г.) долгое время применялась в судопроизводстве инквизиционных трибуналов ряда католических стран. Просперо Фариначчи прямо указан в «Уложении» в качестве «великого учителя и составителя сводов» (гл. 66, § 8). Большинство цитат было позаимствовано из трактата Фариначчи *Praxis et Theoricae Criminalis*, составленного на латинском языке. Эту уголовно-правовую работу он писал на протяжении 1594–1614 гг., включив в нее множество прогрессивных на тот период положений уголовно-правового учения, что придало ей авторитетный характер и обусловило многочисленные переиздания в европейских странах.

Во второй части «Уложения» Василия Лупу содержались частично переработанные на основе трудов Фариначчи положения о преступлениях и наказаниях. По своей структуре это был мини-уголовный кодекс Молдавии, который открывался пространной «Особенной частью» и завершался предписаниями «Общей части».

В первых главах (1–50) «Особенной части» описывались различные преступления в следующем порядке: оскорбление, фальшивомонетничество, присвоение обнаруженного клада, убийство, нанесение ран, двоеженство, растрата приданого, семейные проступки, жестокое

обращение мужа, избиение жены, изгнание жены, нарушение обязанности следовать за мужем, сводничество, похищение человека, святотатство, ересь, изнасилование, мужеложство, кровосмешение, клевета. Под составы оскорбления и клеветы нередко подводились образцы устного народного творчества, направленные против господаря и критиковавшие общественно-государственное устройство Молдавии (например, баллады «Горький голос бедняка», «Богач и бедняк» и др.), за которые в «Уложении» устанавливались строгие виды наказаний, вплоть до смертной казни (Баскин, Советов 1964: 102–103).

Затем помещались главы (51–78) с предписаниями общего характера, отражавшие отправные начала, принципы и институты уголовного права, общеприменимые для любого состава преступления. Предписания в этой «Общей части» уголовного права по «Уложению» располагались в следующем порядке: 1) обстоятельства, смягчающие наказание (обман, ярость, возраст, опьянение, безумие, местные обычаи, действие в толпе, подчинение приказу старшего, бессилие и слабость природы, сонное состояние, любовь, боярство, проворство, изменчивость природы, глухонмота, родство); 2) соучастие в преступлении («побуждение и совет совершить зло», «помощь в совершении проступка», нахождение на месте преступления, оказание помощи после совершения преступления, укрывательство, «наказание того, кто учит совершить зло», и «того, кто благодарит виновного после преступления» и др.).

Таким образом, перед нами предстает довольно крупный свод частного и публичного права Молдавского княжества. Его составителям удалось систематизировать разрозненные акты княжеского и судебного правотворчества, нормы обычного права, преодолеть партикуляризм сословно-этнических правовых подсистем. В состав молдавского кодекса были творчески инкорпорированы памятники римско-византийского права (в частности, «Земледельческий закон») и положения западноевропейской правовой традиции (труды итальянского юриста П. Фариначчи). Дальнейшее изучение «Уложения» Василия Лупу 1646 г. на основе историко-критического и юридико-догматического методов анализа его текста позволит прояснить этнокультурные и социально-идеологические особенности правовой системы Молдавского княжества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К слову, именно Львовским братством в 1591 г. была выпущена первая церковнославянская грамматика «Адельфотес, или Наука доброголавого эллино-славянского языка совершенного искусства

осьми частей слова ко наказанию многоименитому Российскому роду».

2. До получения от турок престола в Молдове этот правитель именовался Лупу Кочь, по своему родовому имени, которое произошло от сокращенного на албанский лад имени «Константин». Его отец Николае Кочь долгое время занимал различные должности при дворе в Валахии.

ЛИТЕРАТУРА

Арамэ 1992 - *Арамэ Е.С.* Эволюция государственно-правовых институтов средневековой Молдовы (XV–XVIII вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. Одесса, 1992.

Баскин, Советов 1964 - *Баскин Ю.Я., Советов П.В.* О некоторых основных направлениях политической и правовой мысли Молдавии XV–XIX вв. // Правоведение. 1964. № 2.

Византийский закон 1984 - Византийский земледельческий закон / Е.Э. Липшиц, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская; под ред. И.П. Медведева. Л., 1984.

Голант 2002 - *Голант Н.Г.* Образ молдавского господаря Василе Лупу (Василия Албанца) в летописях, записках путешественников, легендах и исторических романах // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Десницкой. СПб., 2002.

Грекул 1961 - *Грекул Ф.А.* Аграрные отношения в Молдавии в XVI – первой половине XVII вв. Кишинев, 1961.

Драгнев 1962 - *Драгнев Д.М.* Гайдуки – народные мстители. Очерки истории героической борьбы молдавских гайдуков против местных и иноземных угнетателей. Кишинев, 1962.

Кантемир 1973 - *Кантемир Д.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973.

Мохов 1964 - *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.

Славяно-молдавские грамоты 1961 - Молдавия в эпоху феодализма. Славяно-молдавские грамоты / под ред. П.В. Советова. Том I (XV в. – первая четверть XVII в.). Кишинев, 1961.

Советов 1956 - *Советов П.В.* Уложение Василе Лупу – памятник молдавского права и языка // Октябрь. 1956. № 5.

Советов 1960 - *Советов П.В.* Преступления против земельной собственности в Молдавии XV–XVII вв. (сравнительный очерк актового материала и уложения Василе Лупу) // Ученые записки Кишиневского госуниверситета. 1960. Серия юридическая. Т. 52.

Советов 2001–2002 - *Советов П.В.* Преступление и наказание (Очерки истории обычного права и законодательства средневековой Молдавии) // *Stratum plus*. 2001–2002. № 6. С. 26–151.

Солтан 1992 - *Солтан Г.В.* Закрепощение крестьян Молдовы (последняя четверть XVI – первая половина XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кишинев, 1992.

Суляк 2016 - Суляк С.Г. О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (К историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42).

Шорников 2004 - Шорников П. Стефан Великий и формирование Молдавского геополитического проекта // Мысль. 2004. № 2 (24).

Analele 1899 - Analele Academiei Romane. Bucuresti, 1899. Vol. XVI.

Bulei 2013 - Bulei Dumitra. Viața culturală și cartea tipărită în vremea lui Matei Basarab // Tyragetia. Serie nouă. 2013. Num. 2 (22). P. 89–96.

Carte românească 1961 - Carte românească de învățătură, 1646. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1961.

Costin 1958 - Miron Costin. Opere / ed. P.P. Panaitescu. București, 1958.

Hurmuzaki 1953 - Hurmuzaki E. Documente privind istoria României. Moldova. Bucuresti, 1953. Vol. XVI, pt. II.

Iorga 1913 - Iorga N. Vasile Lupu ca următor al împăraților de răsărit în tutelarea Patriarhiei de Constantinopole și a Bisericii Ortodoxe. Bucuresti, 1913.

Istoria dreptului Românesc 1980 - Istoria dreptului Românesc / Pod red. V. Hangi, P. Narcu. București: Editura Academiei, 1980. Vol. I.

Mazilu 2006 - Mazilu H. Lege și fărădelege în lumea românească veche. Iași, 2006.

Șerban 1991 - Șerban C. Vasile Lupu: domn al Moldovei (1634–1653). Bucuresti, 1991.

Vezi 1958 - Vezi Gh. C. D. Dreptul bizantin în țările române. Pravila Moldovei din 1646 // Studii. 1958. XI, nr. 5. P. 34.

Козицький, Білостоцький 2001 - Козицький А., Білостоцький С. Кримінальний світ старого Львова. Львів, 2001. 230 с.

Шандра, Бедрій 2013 - Шандра Р., Бедрій М. Сільські суди та судочинство за українським і волоським правом: історико-правове порівняння (XIV–XVIII ст.) // Вісник Львівського університету. 2013. Вип. 58. С. 116–125.

REFERENCES

Arame, E.S. (1992) *Evoluytsiya gosudarstvenno-pravovykh institutov srednevekovoy Moldovy (XV–XVIII vv.)* [Evolution of the state and legal institutions of medieval Moldova (the 15th–18th centuries)]. Law Dr. Diss. Odessa.

Baskin, Yu.Ya. & Sovetov, P.V. (1964) *O nekotorykh osnovnykh napravleniyakh politicheskoy i pravovoy mysli Moldavii XV–XIX vv.* [On some basic directions of political and legal thought of Moldova in the 15th – 19th centuries]. *Pravovedenie*. 2.

Medvedev, I.P. (ed.) (1984) *Vizantiyskiy zemledel'cheskiy zakon* [Byzantine Agricultural Law]. Leningrad: Nauka.

Golant, N.G. (2002) *Obraz moldavskogo gospodarya Vasile Lupu (Vasiliya Albantsa) v letopisyakh, zapiskakh puteshestvennikov, legendakh i istoricheskikh*

romanakh [The image of the Moldovan ruler Vasile Lupu (Vasily Albanets) in the annals, travelers' notes, legends and historical novels]. In: Kazanskiy, N.N. (ed.) *Materialy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Desnitskoy* [Proceedings of the conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.V. Desnitskaya]. St. Petersburg: Nauka.

Grekul, F.A. (1961) *Agrarnye otnosheniya v Moldavii v XVI – pervoy polovine XVII vv.* [Agrarian relations in Moldova in the 16th – first half of the 17th centuries]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Dragnev, D.M. (1962) *Gayduki – narodnye mstiteli. Ocherki istorii geroicheskoy bor'by moldavskikh gaydukov protiv mestnykh i inozemnykh ugnateley* [Haiduks – people's avengers. Essays on the history of the heroic struggle of the Moldovan haiduks against local and foreign oppressors]. Chişinău: Ştiinţa.

Cantemir, D. (1973) *Opisanie Moldavii* [Description of Moldova]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Mokhov, N.A. (1964) *Moldaviya epokhi feodalizma* [Moldavia during feudalism]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Sovetov, P.V. (ed.) (1961) *Moldaviya v epokhu feodalizma. Slavyano-moldavskie gramoty* [Moldavia during feudalism. Slavonic-Moldavian documents]. Vol.1. Chişinău: Ştiinţa.

Sovetov, P.V. (1956) *Ulozhenie Vasile Lupu – pamyatnik moldavskogo prava i yazyka* [Vasile Lupu's Code as a monument of Moldovan law and language]. *Oktyabr'*. 5.

Sovetov, P.V. (1960) *Prestupleniya protiv zemel'noy sobstvennosti v Moldavii XV–XVII vv. (sravnitel'nyy ocherk aktovogo materiala i ulozheniya Vasile Lupu)* [Crimes against landed property in Moldavia in the 15th–17th centuries (a comparative sketch of the act of material and Vasile Lupu's Code)]. *Uchenye zapiski Kishinevskogo gosuniversiteta*. 52.

Sovetov, P.V. (2001–2002) *Prestuplenie i nakazanie (Ocherki istorii obychnogo prava i zakonodatel'stva srednevekovoy Moldavii)* [Crime and punishment (Essays on the history of customary law and legislation of Medieval Moldavia)]. *Stratum plus*. 6. pp. 26–151.

Soltan, G.V. (1992) *Zakreposhchenie krest'yan Moldovy (poslednyaya chetvert' XVI – pervaya polovina XVII vv.)* [The enslavement of the Moldovan peasants (the last quarter of the 16th – the first half of the 17th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Chişinău.

Sulyak, S.G. (2016) *About the language of the Slavonic-Moldavian documents of the 14th–17th centuries. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42) (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/42/7

Shornikov, P. (2004) *Stefan Velikiy i formirovanie Moldavskogo geopoliticheskogo proekta* [Stefan the Great and the formation of the Moldovan geopolitical project]. *Mysl'*. 2(24).

- Analele Academiei Romane*. (1899) Vol. 16.
- Bulei, D. (2013) Viața culturală și cartea tipărită în vremea lui Matei Basarab [Cultural life and books printed in the time of Matei Basarab]. *Tyragetia. Serie nouă*. 2 (22). pp. 89–96.
- Anon. (1646) *Carte românească de învățătură* [Romanian Book of Learning]. Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Române.
- Costin, M. (1958) *Opere* [Works]. Bucharest: [s.n.].
- Hurmuzaki, E. (1953) *Documente privind istoria României. Moldova* [Documents on the History of Romania. Moldova]. Vol. 16. Bucharest: Editura Academiei RSR.
- Iorga, N. (1913) *Vasile Lupu ca următor al împăraților de răsărit în tutelarea Patriarhiei de Constantinople și a Bisericii Ortodoxe* [Vasile Lupu as the next emperor of the East in the tutelage of the Patriarchate of Constantinople and the Orthodox Church]. Bucharest: Librarhile Socec.
- Hangi, V. & Narcu, P. (eds) (1980) *Istoria dreptului Românesc* [History of Romanian Law]. Vol. 1. Bucharest: Editura Academiei.
- Mazilu, H. (2006) *Lege și fărădelege în lumea românească veche* [Law and lawlessness in the old Romanian world]. Iași: Polirom.
- Șerban, C. (1991) *Vasile Lupu: domn al Moldovei (1634–1653)* [Vasile Lupu: the lord of Moldavia (1634–1653)]. Bucharest: Academiei Romane.
- Vezi, Gh. (1958) Dreptul bizantin în țările române. Pravila Moldovei din 1646 [Byzantine law in the Romanian lands. Moldova's Pravila from 1646]. *Studii*. 11(5). pp. 34.
- Kozitskiy, A. & Bilostotskiy, S. (2001) *Kriminal'niy svit starogo L'vova* [The criminal world of the old Lvov]. Lviv: Afisha.
- Shandra, R. & Bedriy, M. (2013) Sil's'ki sudi ta sudochinstvo za ukraïns'kim i volos'kim pravom: istoriko-pravove porivnyannya (XIV–XVIII st.) [Village Courts and Proceedings in Ukrainian and Greek Law: Historical and Legal Comparisons (the 14th–18th centuries)]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu*. 58. pp. 116–125.

Трикоз Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел России; доцент-методист кафедры истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов (Россия).

Elena Trikoz – Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russia).

E-mail: alena_trikoz@mail.ru; trikoz_en@pfur.ru